

Лев Дуров:

Дружб. - 1993 - 14 апр. - с. 7

«ИЗ МЕНЯ БЫ ВЫШЕЛ ХОРОШИЙ КЛОУН»

Помимо официальных званий, которыми награждают актеров, существуют другие — не менее, а то и более почитаемые в актерской среде. Народного артиста Льва Дурова называют актером Анатолия Эфроса. Он играл практически во всех его спектаклях — и в Центральном детском театре, и на Малой Бронной — и по праву считает себя его учеником. Кроме того, в театральном мире все знают, что **Лев Дуров** — замечательный рассказчик, остроумный собеседник. Сегодня он отвечает на вопросы нашего корреспондента.

— Лев Константинович, пока мы поднимались в гримерную, вы все время что-то напевали. Вы постоянно пребываете в таком блаженном расположении духа или это своеобразная психотерапия?

— Это чтобы не выть.

— А выть хочется все время?

— Почти да. Поэтому и пою.

— У вас такая тяжелая жизнь?

— Дело не в моей жизни, а в той постоянной тревоге, в которую погружена сейчас страна. Мы все поражены вирусом злобы — достаточно посмотреть на лица депутатов Верховного Совета. Чего хотят эти люди? Чего хотят те несчастные и обманутые, которые выходят на улицы с портретами Сталина? Его возвращения? Смертей и репрессий?

— Страшно и другое — люди не знают, как распорядиться предоставленной им свободой. Они привыкли быть рабами. Один лишь факт — многие заключенные не хотят уходить из зоны. Зачем? Здесь худо-бедно накормят, есть где спать, а то, что солнце светит через решетку, для них несущественно. Это же дикость!

— А что вам, человеку театра, принесла свобода?

— Прежде всего ко мне в театр не приходят теперь полуграмотные министерские дамы принимать спектакли. Я вспоминаю анекдотичный случай. На сдачу эфросовских «Трех сестер» пришла комиссия из министерства. И одна из чиновниц, встав во время антракта, сказа-

ла: «Что, это конец? Тогда пошли обсуждать».

Надо сказать, я никогда не относился с особым пиететом к любого рода начальству. У меня даже прозвище было в министерстве — «народный бандит республики». Все дело, видимо, в том, что я всегда ощущал себя свободным человеком. И подлинный смысл происходящего в стране понял очень рано. Недавно две приятельницы напомнили мне один случай: «Лева, а помнишь, как однажды ты застал нас ревущими. «Что случилось?» — «Как, ты не знаешь, умер великий Сталин», — сквозь слезы ответили мы. «Вот дуры безмозглые, когда-нибудь вам будет стыдно за ваши слезы», — сказал ты и ушел, хлопнув дверью». Время подтвердило, что я был прав.

— Лев Константинович, перейдем к делам творческим. Мне кажется, что всех ваших героев роднит одно качество — они как бы существуют на грани комедии и трагедии. Даже в привычные для вас комические характеры вам удается привнести элемент затаенной грусти...

— Думаю, здесь сказывается школа Анатолия Васильевича Эфроса. Он говорил, что жизнь наша в основном состоит из драм. Радостные события — лишь отдельные ее эпизоды. Та же «Женитьба», например. Ведь до Эфроса ее традиционно играли как водевиль. А Эфрос постоянно повторял: «Подальше от водевиля, ближе к «Шинели».

— Создавая своих героев, вы идете от каких-то конкретных впечатлений и наблюдений или придумываете, сочиняете персонажей?

— Когда как. Снимался я, помню, в картине «Зачем человеку крылья» и, чтобы войти в образ, пропотеть, обветриться на деревенском воздухе, ездил на съемки на телеге. Однажды навстречу бабуля — просит подвезти. Разговорились. «А ты, милоч, откуда будешь?» — спрашивает она. «Да из Белых Колодезей», — отвечаю. «Я чегой-то такого завалищего там и не помню. Значит, получилось, думаю. А иногда тональность картины удается угадать уже на первой пробе. Особенно если снимаешься у знакомого режиссера.

— Понятно, что с близким и знакомым тебе режиссером работать легче — уже произошла притирка характеров. А вот интереснее ли?

— Ну это зависит от личности режиссера. С Эфросом было работать и интересно, и легко. Я понимал его буквально без слов. Репетируем, например, какую-то сцену, он мне из зала: «Лева...» Я сразу: «Понял», — и начинаю играть что-то диаметрально противоположное. «Да, да, так!» — кричит Эфрос. Потом все удивлялись: «Он же тебе ничего не сказал?» Но мне было достаточно его интонации или простого обращения.

— У вас с Анатолием Васильевичем сразу возникло такое взаимопонимание или это результат долгих лет работы?

— «Своего» актера Эфрос во мне угадал сразу. Помню, мы репетировали спектакль «В добрый час» в Центральном детском театре, и Виктор Сергеевич Розов настаивал, чтобы меня сняли с роли Афанасия Кабанова. Чем-то я ему не нравился. Но Эфрос меня отстоял. Его терпение и интуиция помогли мне обнаружить в себе драматические

возможности. Я, например, никогда не думал, что смогу сыграть Чебутыкина в «Трех сестрах» или Яго в «Отелло». Думаю, ни один другой режиссер не смог бы это во мне увидеть.

— Лев Константинович, в последние годы вы все чаще выступаете в роли режиссера. Здесь вы тоже считаете себя учеником Эфроса?

— Когда я поставил свой первый спектакль «Занавески», имевший определенный успех, Анатолий Васильевич посмотрел и сказал: «Вот ты говоришь, что ты мой ученик, а это не так, ты ученик...» — и назвал фамилию другого режиссера. Эфрос очень ревностно относился к тому, что я ставил спектакли, считал, что мое дело — актерство. «Стал вот заниматься режиссурой — теперь Москвиным никогда не станешь. А мог бы», — говорил он. Самое удивительное, что он сам меня втянул в это дело, взяв ассистентом режиссера на спектакль «Друг мой Колька».

— Мне кажется, что и героям, живущим в другие эпохи, вы относитесь как к нашим современникам, как к людям, живущим рядом с нами...

— А как же иначе? Если я не представляю, что в любую минуту могу снять трубку, позвонить Шекспиру по телефону и эдак небрежно спросить: «Вильям, что-то я не понял эту сцену», — за дело лучше не браться. И потом — примите это как шутку, хотя в ней есть доля правды — Шекспир — это гениально, а Шекспир плюс маленький Дуров — еще лучше.

— А кто ваш любимый автор?

— Достоевский. Он говорит душой, чувствами, а не словами. У него в одном характере могут быть перемешаны и смех, и слезы, и отчаяние, и надежда.

— Лев Константинович, а к цирковой династии Дуровых вы имеете отношение?

— Да, конечно. Я — внучатый племянник Анатолия и Владимира Дуровых. Тереза и Наталья — мои двоюродные сестры. И, сколько я себя помню, у меня всегда была потребность в лицедействе. Знаете, какое у меня было в детстве прозвище? Швейк. Я, кстати, очень дружу с Юрием Никулиным, и он как-то мне сказал: «Хороший бы из тебя клоун вышел»...

Беседу вел
Наталья УВАРОВА.